

Конечно же, Гермиона не оставила это без внимания и отказалась принять его доводы без более веского объяснения его нежелания возвращаться. Проблема заключалась в том, что у Гарри не было разумной причины; он просто знал это. Темная, скрытая часть его души задавалась вопросом, не связано ли это с частицей души Волдеморта, которая, как он теперь знал, обитает в нем. Они с Гермионой спорили об этом за завтраком, и теперь Гарри сидел перед камином в гостиной с большой книгой по Темным искусствам в руках. Однако он не видел слов. Его глаза остекленели, так как его разум зациклился на том, что он - крестраж. Найти и уничтожить чашу было огромной победой, но это также приблизило его на шаг к тому, что он боялся, что ему придется сделать. Он не мог говорить об этом ни с кем из остальных, потому что это, казалось, огорчало их еще больше, чем его. Поэтому Гарри остался один, чтобы обдумать свои чувства, и это изматывало его. Таким его и нашла Джинни, когда вошла в гостиную и села рядом с ним. Ему потребовалось мгновение, чтобы признать ее присутствие, но когда он это сделал, то сразу же спохватился. "О чем ты думаешь, что заставляет тебя так хмуриться?" - спросила она, разглаживая пальцами напряженные линии вокруг его рта. "Я просто думал о том, что мы должны делать дальше", - ответил он. "Ты волнуешься", - сказала она. Уголок рта Гарри дернулся вверх - он никогда не мог обмануть ее. "Немного", - сказал он. "Гермиона хочет вернуться в Албанию". Джинни кивнула без ответа. У Гарри сложилось впечатление, что она уже слышала другую сторону спора, и он подумал, не искала ли она его, чтобы продолжить мольбы Гермионы. Когда Джинни замолчала, он подтолкнул ее. "Что ты думаешь?" "Ну, - медленно ответила она, - я понимаю, почему Гермиона чувствует себя так, как она чувствует, но я также думаю, что до сих пор твои инстинкты были верны. Если ты не думаешь, что это то, что мы должны делать, я готова довериться твоему мнению".

Ее слова не успокоили его так, как должны были. "Почему?" - потребовал он. "Почему ты доверяешь мне? Почему ты так уверена, что я принимаю правильные решения?" "Гарри, я думаю, что человеку свойственно сомневаться в своих решениях. Единственное время, когда мы можем быть уверены в том, что поступаем правильно, - это постфактум. Ты должен принимать эти решения без оглядки на прошлое, и пока что это работает. Ты был прав насчет последнего крестража - не только где он находится, но и как его уничтожить. Я не знаю, откуда ты знаешь, но ты знаешь. Я доверяю тебе, Гарри". Глаза Джинни буравили его, и он отвернулся от пристального взгляда, чувствуя себя незащищенным и совершенно уязвимым. "Ты не должен. У меня есть отвратительная привычка убивать тех, кто мне дорог", - задохнулся он. "Это говорит Малфой", - огрызнулась Джинни. "Не слушай их, Гарри. Они пытаются залезть тебе под кожу. Я ненавижу эту дурацкую идею с Окклюменцией. Малфой ненавидит тебя из-за собственного комплекса неполноценности. Он никогда не будет лучше тебя, и внутри он знает это, и это съедает его заживо". Несмотря на свою меланхолию, он не мог не улыбнуться ее яростной преданности. "Мне нравится, когда ты пылаешь", - сказал он, усмехаясь. "О, правда?" - спросила она, соблазнительно покачивая плечами. "Я могу показать тебе пламенность". Наклонившись, она крепко поцеловала его. Он провел пальцами по коротким прядям ее волос, когда каждое нервное окончание в его теле вдруг напряглось. После нескольких минут приятных, но спокойных поцелуев она отстранилась, нахмурившись.